

Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии

*Д.Б. Сундуева, доцент,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

В статье представлены нарративы представителей русской общины Монголии, собранные в результате интервьюирования, проведенного автором при содействии Общества российских граждан Монголии (2011–2014 гг.), об истории своей группы. На материале речевых портретов и образов анализируются тенденции, детерминирующие и сопровождающие перемены в структуре культурной идентичности и самоидентификации представителей исследуемой группы. Собранный материал отражает специфику модели русского мира и жизненные стратегии потомков русских старожилов Забайкалья, родившихся и проживающих постоянно в Монголии. В результате проведенного анализа установлено, что для «местнорусских» Монголии характерна устойчивость диаспоры к процессам ассимиляции, поддержанная внешним патернализмом, наличием стержня, которыми послужили русская культура, русский язык. Долговременная адаптация потомков русских старожилов Забайкалья к жизни в Монголии привела к изменениям в индивидуальном и групповом сознании, ведущим к явлениям этнической мобилизации. Для русских старожилов Монголии характерна идентификация как с русской культурой, так и культурой доминирующей группы. Достижение интеграции культур, подчеркивает автор, в результате которой сформировалась бикультуральная личность, обусловлено историко-культурными факторами, вследствие чего сложился и специфический образ жизни, ментальные особенности которого проявляются в системе установок, социальных и культурных представлений и концептов, а также моделей речевого поведения русского населения Монголии.

В рамках данной работы в фокусе внимания находится «человек в его наивно-естественной установке, по рождению определенный в социальный мир, для которого существование его самого и его соплеменников является столь же безусловной данностью, как и существование всех прочих предметов естественного мира»¹. «Жизненный мир», то есть личностный повседневный опыт субъекта, выраженный в рассказах-нарративах, служит ценнейшим источником познания социокультурной практики отдельных малых этнических групп. Нарративное интервью, представляя собой повествование, свободный рассказ о прошлом, о собственной жизни, об истории своей семьи, дает исследователю возможность обнаружить самоидентификацию респондента, характер изменения его идентификаций в зависимости от внешних обстоятельств, а в своей совокупности и коллективный опыт «проживания».

В данной статье представлена история русской общины в Монголии, увиденная и прожитая самими членами группы. Индивидуальное повествование человека о прошлом, о своей жизненной стратегии проливает свет на коллективный опыт «проживания» исторических событий, потрясений, выпавших на долю группы. Канва вопросов, содержащая в себе индикаторы социокультурных координат респондентов, позволила описать современные мировоззренческие параметры русских Монголии. В качестве источников используются материалы, полученные в результате глубинного интервьюирования, проведенного автором при содействии Общества российских граждан Монголии (2011–2014 гг.). На материале речевых портретов и образов, репрезентирующих структурные изменения, исследуются

тенденции, детерминирующие и сопровождающие перемены в структуре культурной идентичности и самоидентификации представителей исследуемой группы.

В качестве генеральной совокупности рассматривается численность русской диаспоры Монголии, составляющей, по данным 2008 г., 965 человек². Интервьюированием было охвачено 50 человек, что составляет 5,1% от общего числа соотечественников и считается «вполне удовлетворительным, чтобы судить о надежности данных» (Грумадене). Выборка осуществлена методом «снежного кома», что обычно применяется к относительно небольшим генеральным совокупностям, специфика которых состоит в том, что, во-первых, их члены знают друг друга и, во-вторых, для них трудно получить репрезентативную основу выборки. Суть используемого метода заключается в том, что каждого вновь найденного члена генеральной совокупности спрашивают, кого еще из ее членов он знает. Основа выборки в виде списка формируется «по цепочке». Выборку, полученную методом «снежного кома», можно считать репрезентативной в том смысле, что в нее включены все более или менее известные представители генеральной совокупности. Интервьюирование было проведено в г. Улан-Батор, поскольку подавляющее большинство соотечественников в настоящее время проживают в столице Монголии. Достоверность информации обеспечивалась тем, что выборка охватывала все поколения генеральной совокупности. Возрастная структура респондентов распределилась следующим образом: старше 60 лет – 50%, с 30 до 59 лет – 24%, учащаяся и студенческая молодежь до 29 лет – 26%. Опрошено лиц мужского пола – 40%, женщин – 60%. Гражданами Российской Федерации являются 88%, Монголии – 12% респондентов.

Основополагающий методологический принцип, которым руководствовались авторы исследования, заключается в том, что социальные и культурные проявления идентичности могут быть достаточно адекватно поняты, если они изучаются на основе синтеза способов самоидентификации и позиционирования личности. Содержание этнической самоидентификации с его общими механизмами, усредненными критериями и самой интенцией идентифицировать себя с каким-либо этносом, составляющее ядро культурной идентичности, носит глубоко контекстуальный характер, при этом его позиционирование во многом акцентировано современными смыслами актуальной культуры конкретного этноса в момент взаимодействия с доминирующей группой.

В современной Монголии на постоянной основе проживают две категории русских: «специалисты», появившиеся в разные периоды российско-монгольских экономических отношений и «местнорусские», родившиеся и постоянно проживающие в этой стране. В центре нашего внимания «местнорусские» Монголии, в большинстве своем потомки русских старожилов Забайкалья. В настоящее время на фоне увеличивающегося количества россиян, проживающих в Монголии, «местно-русские» составляют своеобразное ядро русской диаспоры, выполняя функции культурного медиатора. Сегодня потомки русских старожилов Монголии являются в большинстве своем, гражданами России, определяют себя как россияне и признают Россию своей исторической родиной. Они не только адаптировались к новой культурной среде, но и сумели успешно интегрироваться в современное монгольское общество. Среди потомков русских старожилов Забайкалья, проживающих в сопредельной стране, много образованных, успешных людей, получивших признание как в Монголии, так и за ее пределами³.

Соотечественники, постоянно проживающие в Монголии, объединены там одним словом – орос, что в переводе с монгольского языка обозначает «русский, российский»⁴. Сложившаяся практика именованья исследуемой группы как «местнорусские» выделяет потомков русских старожилов Забайкалья, проживающих в Монголии на постоянной основе, от остальных представителей российской диаспоры, в определенной степени отражая их исконность. Монголы их называют местны орос, нутгийн орос, манай орос, то есть «отечественные русские», «наши русские». В период социализма с подачи партийной идеологии русских старожилов называли семеновцами или цагантанууд, то есть «белые» или «белоэмигранты».

Жизнь «русской колонии в Урге» нашла свое отражение в работах исследователей разных лет. В дореволюционных изысканиях В. Птицына⁵, Д. Клеменца⁶, Ю. Кушелева⁷, И. Майского⁸, посвященных истории русско-монгольских отношений начиная с XVII века и вплоть до XX века, содержится богатейшая информация о том, как осваивались русские люди в новой для них культурной среде. В русле заявленной темы представляют интерес современные монголоведческие исследования Е.М. Даревско⁹, Н.Е. Единархова¹⁰, Ю.В. Кузьмина¹¹, Е.И. Лиштованного¹².

Так, в работе Н.Е. Единарховой «Русские Монголии» (2005 г.) дан комплексный анализ деятельности русских в Монголии в XVII – начале XX вв., подробно описан образ жизни и быт русских в тот или иной период истории. Различные аспекты современного состояния исследуемой группы освещены в работах А.В. Михалева¹³, Ю.Н. Кручкина¹⁴, монгольских русистов С. Эрдэнэмаама¹⁵, Т. Цэцэгмаа¹⁶. Следует отметить, что сибирская составляющая во взаимоотношениях России и Монголии в большей степени отражена в трудах Е.М. Даревской и Е.И. Лиштованного. Исторические сведения по освоению приграничных территорий Монголии русскими старожилами Забайкалья позволили наиболее полно воссоздать этапы формирования субэтнической группы «местнорусских» Монголии, в большинстве своем выходцев из среды забайкальского казачества, чикойских старообрядцев, крестьян. История потомков русских старожилов Забайкалья в Монголии тесно переплетена с событиями Гражданской войны, с историей российско-монгольских отношений. Несмотря на то что русские осваивали Монголию еще с XIX века, отметим, что до 1921 года, «после победы народной революции в Монголии большинство русских купцов и коммерсантов покинули страну». Русская община современной Монголии состоит в основном из потомков трех миграционных волн из приграничных с Монголией территорий Забайкалья. Первая переселенческая волна связана с поражением Белого движения в Забайкалье в 1920–1922 годах и уходом в монгольские лесостепи части иркутских и забайкальских казаков, обживавших Северную и Восточную Монголию еще с конца XIX века. Большинство казаков Первого и Второго Верхнеудинских полков Забайкальского казачьего войска в 1912–1915 годах проходили действительную службу в Западной и Центральной Монголии, в Урге, Кобдо, Улясутае, Маймачене. Известно, что в 1920–1921 годах, после установления народно-революционной власти в Монголии, около 4 000 человек из пятитысячного анклава русских колоний, уцелевших в годы Гражданской войны, выехало в Маньчжурию и США, а часть вернулись в Россию. «У меня отец был забайкальский казак...»

У меня отец был забайкальский казак с Читинской области. У нас хранились штаны с лампасами, кто-то отпорол их. Мне говорили: ладно. тихо. молчи. Станица казачья была Шарагол. Когда отец пришел с Гражданской войны, стали

отделяться от отцов. Река была Чикой. Они и не знали, что это Монголия. На той стороне хлеб сеяли. На этой скот пасли. И не думали, что в Монголии останутся навсегда. ... Замуж? Казачка чтоб раньше вышла за семейского?! Никогда! А казак мог жениться. Дед Афоня все шутил «Все на семизге женились. Только Манька за казака вышла». Не было девкам казаков.(М.А.,74 г., Улан-Батор).

Вторая волна переселенцев связана с деятельностью советско-монгольских золотодобывающих концессий, развернувшихся в бассейне реки Еро. Около четверти всех приисковых наемных рабочих составляли жители приграничной полосы. Как вспоминает один из старейших представителей русской общины Монголии Л.М. Матвеев, «жители российских деревень, проживавшие вдоль границы по реке Чикой, занимались на территории Монголии охотой, работали на золотых приисках. В эти годы стал практиковаться круглогодичный найм на старательские работы, приисковые рабочие вывозили свои семьи из Забайкалья в Северную Монголию, положив тем самым начало появлению русских сел Бельчир, Ибициг, Шарагол, Жаргалантуй, Шамар». Русские поселения тяготели к селу Корнаковка – бывшей усадьбе кяхтинского купца И.И. Корнакова, где обосновались еще в конце XIX века забайкальские старообрядцы. Это была «небольшая сибирская деревня с мужиками и бабами, крестьянскими детьми, с сибирскими избами, деревянными изгородями, где жили 23 семьи чикойских крестьян-староверов». В 1904 году в еженедельной газете «Байкал», издававшейся в Бурятии с июня 1867 года, была опубликована статья, в которой описан уклад жизни русских жителей с. Корнаковка. «Вы здесь видите дворик чистенький, правильный, словом, настоящий русский помещичий дворик ... водруженный крест распятия заставляют вас громко произнести „здесь русский дух, здесь Русью пахнет”»¹⁷. Повседневный быт этих деревень начала XX в., как свидетельствуют наши информанты, мало чем отличался от уклада жизни русских старожилов Забайкалья.

«Большинство решили переезжать за реку Чикой...»

Все жили в одной избе – семья дедушки и моего отца. Станица разрасталась, а уголья оставались прежними. Большинство решили переезжать за реку Чикой. Знали они, какие там просторы. Косили там сено, оставляли стога, а когда Чикой замерзал, перегоняли туда скот. Чтобы не занимать лошадей для перевозки сена. Лошади были нужны для других дел. Зимой мужчины на лошадях с телегами ехали на заработки. Нанимались перевозить груз, молотили хлеб, отвозили зерно на мельницы. Отвозили в Кяхту забитую птицу, забивали скот, продавали мясо. У многих семей там было зимовье. Обычно туда за скотом уезжала старшая дочь или невестка. Кормила скот, доила коров. Замораживала молоко кружками (М.А., жен.74 г., Улан-Батор).

В 1928 году между МНР и СССР была оформлена демаркационная линия, в результате чего приграничные русские села оказались на территории Монголии. Период коллективизации 30-х годов породил третью волну миграции из СССР. Это были семейские, представители забайкальского казачества, столыпинские переселенцы, составившие впоследствии ядро русской общины Монголии. Массовую миграцию на монгольскую сторону в годы коллективизации запечатлели детские воспоминания наших информантов.

«Мы понимали, что с ними случилась страшная беда...»

В начале 30-х годов тут появилось много беженцев из Советского Союза, ведь в эти годы началась коллективизация и раскулачивание. В 32 году, а особенно в 33-м, была большая засуха. Хлеб почти не родился. Через деревню проходили беженцы, обычно ночью, заходили в некоторые дома, просили их покормить. Крестьяне наших деревень не очень уж сытно жили, но беженцев старались накормить, когда они заходили в избу. Мы понимали, что с ними случилась

страшная беда. Дети часто погибали. И многие родители, чтобы только сохранить жизнь детям, отдавали их в монгольские семьи. Монголы их с радостью брали. Я за свою жизнь тоже встречала монгольские семьи, где были русские дети (М.А., жен. 74 г., Улан-Батор).

Воспоминания соотечественников, чье детство и юность прошли в военные и послевоенные годы, воссоздают картину жизни, быт русской общины Монголии в предвоенные 30–40 годы XX века.

«Дом у нас был просторный...»

Дом у нас был просторный. Посередине стояла большая русская печь, которая обогревала весь дом. Около печи стояла кровать, на которой спал дедушка. А в комнате была родительская кровать. А мы все спали на полу на потниках, это такие толстые, скатанные из шерсти матрацы, а укрывались одеялом и шубами. Всю эту постель утром выносили на улицу и вешали на забор. А когда вечером заносили в дом, постель была холодная, всегда пахла свежестью. Мы, маленькие, очень любили играть на такой холодной постели. (Г.С., муж. 76 л., Зунхара).

До 1939 года мужчины из Монголии призывались на действительную военную службу. Русские, постоянно проживающие в Монголии, как пишет Н.Б. Усова, участвовали почти во всех войнах, которые Россия вела в XX веке: поход Великих держав в Китай на подавление «боксерского восстания (1900), Русско-японская война (1904–1918), Первая мировая война (1914–1918), Гражданская война (1918–1924), Советско-финская война (1939–1940), война с Японией на Халхин-Голе (1939)¹⁸. В годы Великой Отечественной войны около 5 000 русских жителей Монголии ушли добровольцами на фронт, а вернулось лишь 2 000 человек. Война уносила жизни иногда почти всех сыновей больших семей «монгольских» русских. Так, в списке погибших солдат, ушедших из Монголии защищать свою историческую Родину, значится шесть братьев Лоскутниковых – Андриян, Ермолай, Марк, Михаил, Нефед, Петр¹⁹.

«Моя бабушка упала на землю в рыданиях...»

Мой отец, Сыроквашин Василий Иванович, родился в 1915 году в Читинской области в селе Хилкотой. С родителями в 1921 году переселился в Монголию, в село Шарагол, недалеко от приграничных районов. Моя детская память запечатлела, как тронулась машина, где был мой отец и два дяди, как моя бабушка, мать троих сыновей, побежала за машиной и упала на землю в рыданиях... (В. К., жен. 77 л., Улан-Батор).

В годы Великой Отечественной войны по всей Монголии, как и в Советском Союзе, была развернута работа под лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы». Движение по оказанию помощи Красной Армии приняло в Монголии массовый характер. Среди тех, кто ковал Победу в тылу далекой Монголии, были русские женщины и подростки из русской общины.

«Мой старший брат Владимир...»

Мой старший брат Владимир, которому сейчас 85 лет, живет, так же как и я, в Улан-Баторе. Работая подростком на мебельной фабрике в годы войны, Владимир вместе со средним братом Анатолием занимались выполнением заказов армии – изготавливали казацки кавалерийские седла, седелки для гужевого транспорта, снаряжные ящики. Впервые в 1945 году местный русский, к тому же совсем молодой, в семнадцатилетнем возрасте (!) был награжден высокой правительственной наградой Монголии – Орденом «Алтан гадас» (в пер.: Золотая звезда). В 1956 году Владимир получил второй Орден «Алтан гадас». (В.А., муж. 75 л., Улан-Батор).

Массовые репрессии конца 30-х годов XX века затронули практически всё монгольское население, включая руководителей МНРП и руководство МНРА, не миновали они и русских, постоянно проживавших в Монголии²⁰.

«Я очень хорошо помню этот день...»

Летом в 1938 году к нам в деревню приехал милиционер во главе с советским командиром, арестовали несколько мужчин. Я очень хорошо помню этот день. Как нам было страшно, потому что наш отец оделся во все новое, мама приготовила ему сумку с теплыми вещами. Мы стояли и смотрели, когда придут к нам и заберут нашего отца. Видели, как из домов выводили мужчин и вели их к школе. Посадили их на машину и увезли. Взяли двух братьев Бузиных, дворы которых были по соседству с нами. Взяли китайца Ван Чена. У него была русская жена, большая семья, он был, как и мой отец, крестьянином. Дети его были советского гражданства, как и мы. Фамилия у них была Митютиковы. Между прочим, в 1942 году из этой семьи ушли на фронт три брата, а вернулся только один. Взяли в ту ночь и бурята Радну, который жил в соседнем улусе. Взяли и монгола Сэнгэбо. Он был шаман. Прекрасный, добрейший человек. Он угощал нас медом, конфетами, печеньем. Уже когда я повзрослела, я слышала от знакомых монголов, что Сэнгэбо был расстрелян. Наверное, за то, что был шаманом... (М.А., жен. 74 г., Улан-Батор).

В 1949 году в связи с подписанием Соглашения между правительствами СССР и МНР от 6 июня 1949 года о создании Акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД) началось переселение жителей русских деревень Селенгинского аймака в поселки вдоль железной дороги (Сухэ-Батор, Зунхара, Мандал и др.). В поселке Зунхара в результате такого переселения стало проживать до 10 000 русских.

«Зунхара была очень большая деревня...»

Зунхара была очень большая деревня. Вечёрки были каждый день. Вплоть до 80-х годов вечерки были в Дархане. Все уехали, в основном все осели в Сибири, в Турунтаево осели. На скамейках бабки сидели. Спрашивали: «Ты чья девка будешь? Поди, Марины Чупровой будешь?» Поезда приходили в Зунхару на рассвете. К бабушкиному дому подходишь, идешь ... Рассвет же ... Дома все пробелены, везде собаки лают. Бабушки начинают русские печи топить, что-то жарить. Спали на русских печках. Красота была ... дети (С.Н., жен. 66 л., Улан-Батор).

До 1956 года местным русским не разрешалось переселение в СССР, и до 70-х годов XX в. они жили без паспортов, имея на руках только вид на жительство, который ежегодно нужно было продлевать в г. Алтанбулак. При этом дети должны быть зарегистрированы в материнском документе. С началом хрущевской оттепели большая часть русской молодежи покинула страну в связи со строительством Братской и Саяно-Шушенской ГЭС, положив начало русскому исходу из Монголии, продолжавшемуся вплоть до 90-х гг. В настоящее время в г. Зунхаре при населении 23 тысячи, русских проживает всего 50 человек.

До середины 1990-х годов потомки русских старожилов в Монголии являлись основным русскоязычным населением до тех пор, пока в страну не пришел российский бизнес, а вместе с ним вновь и российские специалисты. В настоящий момент функционируют две общественные организации, объединяющие разные сегменты русского населения Монголии.

Русских, постоянно проживающих в Монголии, объединяет Общество российских граждан, основными целями которого являются защита прав и интересов соотечественников, содействие в сохранении их культурного наследия, в воспитании детей на основе духовного наследия русского народа, а также содействие в укреплении и дальнейшем развитии дружественных связей между российскими и монгольскими народами.

В 1954 году при содействии Посла СССР в МНР В.М. Молотова была создана монгольская неправительственная общественная организация – Общество

советских граждан, проживающих в Монголии. Оно функционировало до 1992 года.

В 1998 году по инициативе русской общины и при поддержке Посла РФ в Монголии С.С. Разова Общество советских граждан было переименовано в Общество российских граждан. Несмотря на то что эта организация в свое время была создана как проправительственная, в настоящее время она его поддержкой не пользуется. Общество российских граждан объединяет в своем составе в основном русских старожилов Монголии. В 2008 году была учреждена еще одна общественная негосударственная организация, созданная на добровольных началах согласно Закону о негосударственных организациях Монголии – Ассоциация российских соотечественников, объединяющая в своем составе всех российских соотечественников.

По существу, эти организации, имея разный контингент и отличия в культурной идеологии, представляют разные культурные миссии российского сообщества. Первая организация более активна в отстаивании гражданских прав местно-русских Монголии как граждан России перед российскими государственными структурами. Вторая организация в большей степени задействует культурный потенциал России, организует выставки, концерты, национальные праздники согласно календарным датам. Возможно, факт наличия двух разных структур, объединяющих граждан России, проживающих в Монголии, является отголоском сложившегося в период социализма деления соотечественников на «специалистов» и «местных». Однако представляется, что сложившаяся ситуация отражает более сложные взаимоотношения в самой среде русскоязычного населения современной Монголии.

При описании «жизненного мира» русской общины Монголии нами рассматриваются следующие мировоззренческие параметры бытия образа мироустройства: «образ себя» и «другого» как исходной данности; глобальная модель русского мира; жизненная стратегия.

1. «Образ себя» и «другого» как исходная данность.

«Мы другие...»

В Россию? Мне там тяжело. Мы другие. Некоторые вернулись. У нас менталитет другой. Здесь люди лучше. Мы не грубы. Я вот к Татьяне на «Вы». Я никогда не скажу «Ты». У нас десять раз пройдут – десять раз поздороваются. У нас старые традиции, еще в начале века бабушками нашими заложенные. И так от поколения к поколению. Вот и я, дарга (в пер.: начальник) сказал – пришла. Только вот детям будущего нет. Молодежь наша не то, что у вас. Девочки наши приспособлены. Они и шьют, и вяжут, и приготовят. Сейчас, правда, стали бедно жить. Праздники и поминки делали дружно. У нас и обороты речи другие, не российские.

Устаревшие, что ли... Нам тяжело там привыкнуть (Л.Н., жен. 72 г., Улан-Батор).

«Русские с России? Они – другие...»

Русские с России? Они другие ... как ходят ... как думают ... они – другие. Или мне кажется, что я немножко по-другому думаю, не по-российски. Из числа соотечественников, постоянно проживающих в Монголии, многие считают себя россиянами, участвуют в Дне России, празднике Победы, потому что есть Великая Отечественная война, Халхин-Гол, ветераны труда. И все-таки у нас не чисто по-российски. А что-то вроде «свое российское». Я постоянно разговариваю по-русски, хотя могу и по-монгольски. Монголы, которые обучались в посольской школе, хорошо понимают русский язык. У обычных монголов менталитет другой. А те, которые учились в посольской школе, у них есть что-то российское.

Чувствуется сразу. Мне, например, сразу видно (В.П., муж. 52 г., Улан-Батор).

«Но все же, мне кажется, российские власти особо не вникают в нашу ситуацию...»

Слово «Родина» у меня, честно говоря, ни там и не тут. Внутренне особо Родины нет. Здесь все равно мне хоть и привычно, но как-то не так. А в России такое ощущение, как за границей. Я могу запросто переехать в Россию и жить. Но все равно, кажется, будто не свое, непривычное. Я-то вырос в период перехода СССР в РФ. Я учился в посольской школе. Программа была советская. Сложно сказать. Хоть я и тут родился... Мать у меня русская. Юридически мы имеем загранпаспорт, там штамповка «постоянное жительство». Нас ведь в свое время «забыли», не особо признавали. Сейчас и президентская программа. С Москвы помогают. В общем, Россия помогает, конечно, например, при лечении. Но все же, мне кажется, российские власти особо не вникают в нашу ситуацию (В.П., муж. 52 г., Улан-Батор).

«Мы как бы не на своей Родине... Друг к другу жмемся, держимся кучкой...» Из алтанбулакских много читинских. Сестра моя под Читой родилась. Колбины мы. Правда, у моей матери не наша фамилия, говорят. Уж чего она боялась, я не знаю. Специалисты из СССР презирали нас, говорили: «белогвардейцы», «семеновцы». Раньше им нельзя было на местных жениться. Говорили, что, мол, и оружие есть у нас, и пулеметы. Вот я тут родился, а у меня в паспорте стоит «сагач», что значит «эмигрант». С детства внушали нам «Ты – гадат хун» (в пер.: иностранец). Поэтому старались кучечкой держаться. Мы как бы не на своей Родине. Друг к другу жмемся, держимся обособленно. Бурдуковские – они тоже из казаков. Сейчас-то никакого внимания. Мы-то успели вырасти. Детям вот никакого будущего (Л.К., муж. 68 л., Улан-Батор).

В мироощущении потомков русских старожилов Забайкалья, постоянно проживающих в Монголии, «российское свое» противопоставлено «другому российскому». При общении с соотечественниками сложилось впечатление, что для многих из них характерно стремление идеализировать всё русское. Причины противоречивого отношения к Родине коренятся в том, что это отношение двойственное: Россия манит и пугает, с Россией связываются две возможные эмоциональные тональности: либо мажорная, когда Родина видится позитивно, либо минорная, когда человек тоскует по ней. Такое состояние свидетельствует о депрессивности, когда человек испытывает внутренний дискомфорт, причины которого более глубоки. Всё это дает основание концептуализировать описанное состояние как отсутствие места, где человеку было бы спокойно и хорошо. С другой стороны, можно отметить, что черты внеязыковой действительности, а вместе с ней опыт межкультурной коммуникации также находят отражение в языковой картине мира. Человек начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным языком доминирующего этноса, сживаясь с концептуализацией мира, характерной для монгольской культуры. Длительное проживание среди монголов наложило отпечаток на особенности речевого и невербального поведения представителей русской общины Монголии. Они по-монгольски гостеприимны, неторопливы, немногословны, крайне скупы на оценочные суждения, внешне ровны по отношению к окружающим, в семье заметен культ старших. В русском квартале Улан-Батора все здороваются друг с другом. Приведенные ниже тексты обнаруживают своеобразие организации мира русского человека, родившегося и живущего всю свою сознательную жизнь в Монголии. «Однажды в Гоби...»

Однажды в Гоби мы ехали. Мои ребята убили тарбагана. Стали делать бодог (в пер.: мясо, приготовленное в собственном соку). Запах по всей степи пошел. Есть яманэ бодог – это в шкуре. Хорхог – это то, что в посуде. На вертеле начинают крутить, надувается. Скребют, очищают, если потечет – значит готово. Это камни дают энергию. Мы сделали два бодога, ничего не осталось. Вкусно, стоит попробовать (В.А., муж. 75 л., Улан-Батор).

2. Модель русского мира.

В воспоминаниях представителей русского старожильского населения обнаруживается принадлежность русских «монгольского разлива» (Ю.Н. Кручин) к русскому миру, национальная и культурная идентичность которых «выражается в сознании личной причастности к русской нации и русской культуре». Как показывают представленные ниже тексты, русская национальная самобытность в среде соотечественников, проживающих в Монголии, сохраняется в семьях вплоть до четвертого-пятого поколения. Специфика русского этнокультурного пространства русских старожилов Монголии вплетена в структуру языка.

«В крови всё намешано. Ведь ни одна не тянет, а русская переборолла...»

В крови всё намешано. Ни одна не тянет, а русская переборолла. У китайцев же свои праздники были. Отмечали Пасху, дед говорил «Ну, че, старуха, яйца крась!». Всем по куличу обязательно! По-китайски же ничего не было. Вот что осталось от китайцев, так мы не можем без приправ. Чусай – это ближе к черемше. Если кто берет чусай, то это метисы (С.Н., жен. 66 л., Улан-Батор).

3. Жизненные стратегии, поддерживающие устойчивость группы на разных этапах ее истории.

Представленные ниже тексты позволяют обнаружить систему взглядов, установок, убеждений, определение своего места в мире, а также ценностные ориентации потомков русских старожилов, проживающих в Монголии, стратегии их поведения и деятельности.

«Видимо, властные женщины были ... сибирячки...»

У русских бабок мужья в основном китайцы были. Бабушка сроду запрещала нам по-китайски говорить. И китайцы научились говорить по-русски. Где вот не запрещали китайцам жены по-русски говорить, то в таких семьях говорили. Но мало осталось таких. Дядя Кеша Брилев чистейше говорил по-китайски. Всю войну прошел. Мы буквально все говорили по-монгольски. С монгольскими детьми играли.

В Улан-Баторе в Модото было много русских деревень, в Чойбалсане. У деда был пивзавод. Тем, кто жили с русскими женами, давали русские фамилии. Почему-то они брали фамилии жен. Для нас это было естественно. Видимо, бабки были самовластны. Шторы всегда накрахмалены, говорили только по-русски. Видимо, таки властные были женщины – сибирячки. И мужья-то, ведь они побаивались жен-то. Как-то они поставили себя, что было все по-русски. Все семьи были многодетными. У нашей бабушки Марины было их семеро (С.Н., жен. 66 л., Улан-Батор).

«Я то уеду... Я один остался русский...»

Во время войны все туда-сюда ходили. В то время граница открыта была. Многие умерли на дороге с голоду. Мать моя рано умерла. Сам-то я отчаянный был, женщин любил. Монгольский язык знаю. Школу я не видел. В 13 лет пошел работать. С 13 лет в Улан-Баторе. Ой, больша деревня была. В семье разговаривали на русском. Раньше-то хорошо было. Нас много было. Пасху, Масленицу все делали. Я и китайский знаю. С пацанами играл. Знаю, как «соль», «мука». Сейчас не вижу наших, местных. Я один остался русский. Сейчас чисто русского здесь нету. Сын у меня в России, десятого месяца поеду в Россию. Я-то уеду... (Ф.П., муж. 77 л., Улан-Батор).

«Вся Зунхара за два года уехала...»

Моя мама приехала сюда в 20-е годы, была верующая. У меня икона сохранилась. Было такое село Доложино. Это недалеко от границы, семейская деревня. Моя тетя говорила «щемейская». Чисто семейских много было. Село Хондон тоже чисто семейское. Мой муж Игнатъев Николай Васильевич из Читы, его мама приехала. Потом стали все уезжать в Улан-Удэ, на стройки, Саяно-Шушенскую

ГЭС. В Шелехове много местных. Двоюродные братья уехали где-то в 50-е годы. И вот за десять каких-то лет всё изменилось. Зунхара как больша деревня была. Вся за два года уехала. К нам, кто работал на железной дороге, монголы относятся хорошо. На праздники приглашают, подарки дают (Е.И., жен. 78 л., Улан-Батор).

В результате взаимодействия двух противоречивых тенденций жизненной стратегии русского старожильческого населения Монголии сформировался специфический образ жизни, ментальные особенности которого проявляются в системе установок, социальных и культурных представлений и концептов, а также моделей речевого поведения. Местнорусские Монголии сохраняют элементы традиционного хозяйствования и мироустройства, позиционируют билингвизм при сохранении русского родного языка с элементами консервации русских старожильческих говоров, православную религию, инкорпорированную в образ жизни и выступающую в качестве весомого фактора этнокультурного позиционирования, сохраняют память об источниках происхождения: территориальную, сословную (мы из забайкальских казаков, семейских) идентификацию.

Литература:

1. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия». РОССПЭН, 2004. С. 803.
2. Ургинские ведомости. 2008. № 10–11. С. 3.
3. Кручкин Ю.Н. Россияне в Монголии // Современная Монголия. Энциклопедический справочник. Улан-Батор: Изд-во «Хас Банк», 2011. 795 с.
4. Орос - монгол толь: словарь. М., 1960. 778 с.
5. Птицын В. Тамир: русская община на границе Монголии // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т. 6 (1894). С. 668–684.
6. Клеменц Д. Об укреплении русского влияния в Монголии // Сибирские вопросы. 1909. № 51–52. СПб.: С. 21-30.
7. Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912.
8. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.
9. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994. 273 с.
10. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н.Е. Единархова. Иркутск, 2003. С. 273.
11. Кузьмин Ю.В. Монголия и монгольский вопрос в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX века). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994.
12. Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII – XX вв.): учеб. пособие / Науч. ред. В.В. Свинин. Иркутск: ИГУ, 2001. 144 с.
13. Михалев А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2(40). С. 7–29.
14. Кручкин Ю.Н. Монголия: энциклопедический справочник. М.: УБ – Пекин, 2002. 795 с.
15. Эрдэнэмаам С. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. канд. дисс... М., 1995. 22 с.
16. Цэцэгмаа Т. История образования русской общины в Монголии // Россия – Монголия: история и современность, перспективы сотрудничества. Сборник материалов межд. науч.- практ. конф. 2009. С. 92–99.
17. Газета «Байкал» № 65 от 1904, с. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3629301> (дата обращения: 14.04.2014).
18. Усова Н.Б. Вклад российских граждан, постоянно проживающих в Монголии, в ее развитие // Россия-Монголия: история, современность, перспективы сотрудничества. Материалы науч.- практ. конф. Улан-Батор, 2009. С. 86.
19. Монголия помнит. Книга памяти. Ч. 1. Улан-Батор: Изд-во УБЖД. 2010. С. 98.
20. Баабар Б. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное издательство, 2010. С. 295.